

ДИНАМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕНТАЛИТЕТА И ИЗМЕНЧИВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РОССИЙСКИХ ГАБИТУСОВ

Н.С. Розов

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск

rozov@nsu.ru

Разработана общая концепция динамики национального менталитета на трех уровнях. Изменчивость и разнообразие ментальных компонентов и габитусов (П. Бурдьё) объясняются через участие индивидов в интерактивных ритуалах (И. Гофман и Р. Коллинз). Представлена типология российских габитусов, объединенных в пять гнезд: аутсайдеры, ловкие инсайдеры, честные государственники, недовольные и подвижники, характеризующиеся своими типовыми ритуалами. Поставлены задачи использования этой концепции для социально-политической реабилитации российского населения.

Ключевые слова: национальный менталитет, габитус, интерактивный ритуал.

Пбо мы как срубленные деревья зимой. Кажется, что они просто скатились на снег, слегка толкнуть — и можно сдвинуть их с места. Нет, сдвинуть их нельзя — они крепко примерзли к земле. Но, поди ж ты, и это только кажется.

Франц Кафка

Термины «национальный характер», «менталитет» имеют сильные, но не всегда осознаваемые коннотации нерасчлененного единства и неизменности. Такого рода понятия малополезны для исследований, направленных на выявление закономерностей изменений (динамики) и учитывающих реальные разнообразия явлений.

Обращение к литературе о национальном менталитете, российском характере, политической культуре (в последние годы весьма объемной и разношерстной) дает крайне удручающее впечатление. Написано очень много, тексты преимущественно весьма идеологизированные, вплоть до кликушеских. С трудом обнаруживаемое из-под толстого слоя штампов (духовность-соборность-коллективизм-всечеловечность) концептуальное содержание почти цели-

ком относится только к статике, практически нет работ об исторической динамике развития национальных менталитетов. Среди немногих исключений (см.:^{1,2,3,4,5}

¹ Мостовая, И.В., Скорик, А.П. Архетипы и ориентир российской ментальности / И.В. Мостовая, А. П. Скорик // Полис. — 1995. — № 4. — С. 69–76.

² Горшков, М. и др. Массовое сознание россиян в период осуществления трансформации: реальность против мифов / М. Горшков [и др.] // Мир России. — 1996. — № 2.

³ Дилигенский, Г.Г. Российский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). / Г.Г. Дилигенский. — М.: ИМЭМО, 1998.

⁴ Лапкин, В.В., Пантин, В. И. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции / В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. — 1999. — № 6. — С. 70–80.

⁵ Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения). М.: Имидж-Контакт, 1997. — 478 с.

^{6,7,8,9)} ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не удалось обнаружить готовых к использованию теорий ментальной динамики в соединении с анализом особенностей, изменчивости и разнообразия российского менталитета.

В связи с вышесказанным сформулируем основные задачи исследования:

1) разработать общую концепцию *динамики национального менталитета*, соединяющую микро-, мезо- и макроуровни, объясняющую изменчивость и разнообразие основных его типов и свойств;

2) выявить с ее помощью и с учетом известных результатов социологических исследований разнообразие основных *габитусов* – типов сознания, личности, поведения, политической культуры в современной России, реконструировать *ментальные компоненты*, лежащие в их основе;

3) раскрыть *социальные механизмы формирования и поддержания* разнообразия российских габитусов.

Менталитет, национальный характер и ментальные компоненты

При своей известной изрядной инерционности менталитет, народный характер, политическая культура меняются в истории, иногда быстрее, иногда медленнее, причем в разных направлениях в зависимости от

разных складывающихся обстоятельств^{10,11}. Представим ряд понятий, позволяющих раскрыть механизмы этих изменений.

Менталитет – совокупность наиболее распространенных в диахронном (продолжающемся во многих поколениях) сообществе осознанных или неосознанных *фреймов* (познавательных схем), *символов* (святых, идеалов, ценностей, принципов), а также объединяющих их *мировоззренческих установок*. Эти составляющие далее будем называть *ментальными компонентами*.

Национальный характер – совокупность внешних проявлений национального менталитета, наблюдаемых свойств представителей соответствующей общности, как правило, в сравнении и по контрасту с другими национальными общностями. Национальный характер относится к национальному менталитету примерно как фенотип к генотипу, как культурные артефакты – к ядерным культурным образцам (архетипам), как воспринимаемая непосредственно речь – к реконструируемым базовым структурам языка.

Габитусы (термин П. Бурдьё), характерные для разных индивидов, социальных групп и слоев, понимаются здесь как устойчивые комплексы *ментальных компонентов с идентичностями и поведенческими стереотипами*. Нас будут интересовать наиболее типичные габитусы, значимые для социального и политического поведения. По разным критериям можно выделять инварианты – *аспектные габитусы*. В чем-то сходные и переходящие друг в друга габитусы объединяются в *гнезда габитусов*.

Фреймы – когнитивные структуры для схематизации опыта, для «определения

⁶ Гудков, А. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 годов / А. Гудков. – М.: Новое лит. обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – 816 с.

⁷ *Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России* / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 328 с.

⁸ *Левада, Ю. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005* / Ю. Левада. – М.: Новое изд-во, 2006. – 384 с. – (Новая история).

⁹ Гудков, А. *Д и др.* Постсоветский человек и гражданское общество / А. Д. Гудков [и др.]. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2008.

¹⁰ Дубовцев, В.А., Розов, Н.С. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции / В.А. Дубовцев, Н.С. Розов // Полис. – 2007. – № 3. – С.8–23.

¹¹ Лукин, А.В., Лукин, П.В. Мифы о российской политической культуре и российская история / А.В. Лукин, П.В.Лукин // Полис. – 2009. – № 1–2.

ситуации» (Дж. Мид, Г. Блумер), т.е. для осмысления явлений социального окружения через подведение происходящего под знакомое и привычное; фреймы обычно не осознаются, а во внешних проявлениях варьируют от произнесения общеизвестных максим и поговорок в качестве оснований отношения или действия до словесного истолкования своего или чужого положения и поведения в конкретном случае (М. Минский, Г. Бейтсон, И. Гофман).

Символы (ментальные) – принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические и/или идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности. Символы обычно так или иначе включены во фреймы (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Коллинз).

Конкретные сочетания фреймов и символов (они же когнитивные установки, или установки сознания) включают важнейшие для нашей темы *мировоззренческие установки*, касающиеся отношений к окружающим людям, обществу, стране, государству, политике, жизни и т.д.

Идентичности – это представления человека, группы, сообщества о своем месте в социальном окружении, понятием через тот или иной комплекс *фреймов и установок*, это принимаемые *роли* в основных жизненных сферах, а также характер отнесения себя к принимаемым *символам* (Дж. Мид, Ч. Кули, Э. Эрикссон, И. Гофман).

Поведенческие стереотипы – это управляющие психические структуры, тесно связанные с принятыми *ментальными компонентами и идентичностями*, программирующие социальное поведение актора – его повторяющиеся, рутинные *практики* и целенаправленные, поступательные *стратегии*, включающие разного рода деятельности (В. Томас, Ф. Знанецкий, Г. Олпорт, Дм. Узнадзе).

Интерактивные ритуалы как механизм формирования и подкрепления габитусов

В многочисленных концепциях социализации и аккультурации есть непреложная общая истина. В психике человека интериоризуются образцы охватывающего сообщества, его кругов и элементов повседневной жизнедеятельности (семьи, школы, друзей, соседей, коллег, содержания прочитанных книг, просмотренных кинофильмов и т.д.). А что же играет формообразующую роль? В этом пункте мы берем на вооружение две, казалось бы, разномастные и несовместные концепции: теорию интерактивных ритуалов (традиция Э. Дюркгейма, И. Гофмана, В. Уарнера и Р. Коллинза) и теорию оперантного обуславливания (подкрепления) в классической версии Б.Ф. Скиннера.

Речь далее пойдет не о ритуалах, как пустых, формальных церемониях, в которых люди участвуют поневоле и которые их никак эмоционально не затрагивают, разве что раздражают. Речь пойдет только об значимых для участников *интерактивных ритуалах* – всех эмоционально внушительных взаимодействиях между индивидами в ситуациях «здесь и сейчас», в результате которых как раз меняются или подкрепляются элементы габитусов участников – их установки сознания, идентичности и поведенческие стереотипы^{12,13}.

Семейный скандал и душевный разговор с матерью, живое обсуждение событий в кругу сверстников, западающие в душу речи учителей, проповедников, политиков, чтение книг и просмотр фильмов,

¹² Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 752 с.

¹³ Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. – гл. 1.

но долгого периода времени. Стать мужем в институте брака, священником в институте церкви, руководителем отдела в институтах фирмы или государственного учреждения, начальником батальона в институте армии и т.д. – значит *обусловить вполне определенные роли в длинных сериях последующих ритуальных действиях*, сопряженные с поведенческими стереотипами и подконтрольные ожиданиям окружающих, владеющих обычно тем же институциональным фреймом (схемой позиций, ожидаемого взаимодействия и т.д.).

Обеспечивающие сообщества обычно возникают в рамках тех или иных институтов (семья, дружба, соседство, работа, церковь). Некоторые сообщества с большими эмоционально-энергетическими, символическими и организационными ресурсами способны создавать новые неформальные и даже формальные институты (всевозможные добровольные ассоциации, общественные движения, политические партии, новые коммерческие фирмы, негосударственные организации и государственные учреждения). При наличии ресурсной базы и налаженном механизме воспроизводства такой институт продолжается в поколениях и сам становится основой для обеспечивающих сообществ.

Социальная ниша – это совокупность однотипных позиций (ролей, мест) которые индивид занимает или может занять в социальном институте (*институциональная ниша*) или в обеспечивающем сообществе (*групповая ниша*). Вполне очевидно, что эмоциональный комфорт индивидов, общая устойчивость институтов и обеспечивающих сообществ связаны с тем, *насколько соответствуют друг другу или противоречат друг другу* занимаемые каждым индивидом институциональные и групповые ниши, соответствующий статус и его же идентичности, связанные с принимаемыми символами.

Здравый смысл, житейский опыт и марксистский бэкграунд уверенно говорят нам, что мотивацию, интересы, установки и саму личность человека во многом определяют воспитание и образование, классовая принадлежность (владение собственностью и способы получения дохода), семейное положение, место в разных иерархиях, перспективы и риски, связанные с престижем, служебной карьерой, и т.д. Как все это соотносится с институтами и ритуалами?

Несложно увидеть, что все вышесказанное относится к *занятию тех или иных институциональных ниш*. Но каждое занятие ниши – это не столько получение доступа к ресурсам, сколько *вхождение в определенные типы ритуалов в новой роли*, что, собственно, и означает обретение соответствующего институционального статуса. Более того, сами ресурсы (деньги, материальные ценности, полномочия, знания и умения) нужны и применяются в дальнейшем не для чего-нибудь, а именно *для укрепления позиций в новых ритуалах и нишах*. Таким же образом изгнание из сообщества, увольнение с работы, развод, потеря жилья, арест и тюремное заключение – это всегда уход из ранее занимаемой институциональной ниши, соответствующее *закрытие доступа ко множеству ритуалов* (по крайней мере, в той же роли), а иногда и принуждение к новым ритуалам, причем в низкостатусной и страдательной позиции.

Общие закономерности ментальной динамики

Под *ментальной динамикой* будем понимать закономерности и механизмы изменения культурных и психических компонентов сознания и поведения индивидов и групп. Наиболее значимыми для ментальной динамики культурными компонентами являются

глубинные, архетипические фреймы и символы, передающиеся из поколения в поколение и фундирующие множественные (в том числе противостоящие друг другу) установки сознания и поведения.

Как правило, социально значимые компоненты габитусов формируются в период 12–25 лет, который будем называть сензитивным. Позднейшие существенные изменения (рефрейминги), как правило, связаны с личными кризисами и/или радикальным изменением социальной позиции и социального окружения: браком или разводом, переездом или эмиграцией, вхождением в значимое обеспечивающее сообщество или выходом из него, карьерным взлетом или падением и т.д.

Габитусы формируются в сериях интерактивных ритуалов, в которых подростком и затем юношей (девушкой) воспринимаются и опробуются различные варианты фреймов, символов, идентичностей и поведенческих стереотипов. Здесь одновременно действуют несколько принципов, причем в разных обществах и в разных исторических периодах относительная значимость этих принципов относительно формирования габитусов существенно меняется.

Принцип восприятия установок обеспечивающего сообщества. Каждый индивид, участвующий в своем сензитивном периоде во внутрисемейных, эмоционально насыщенных ритуалах своего обеспечивающего сообщества (особенно безальтернативного), обычно воспринимает (интериоризует) основные фреймы и символы данного сообщества, прежде всего, его высшей, лидирующей страты, принимает те или иные предлагаемые ему в этих ритуалах идентичности и поведенческие стереотипы. Этот принцип хорошо известен в социологии групповой динамики, тесно связан с феноменами группового давления, влияния рефе-

рентных групп и т.д. (Г. Хаймен, К. Левин, Р. Мертон и др.)¹⁵. Данный принцип задает однотипность, инвариантность габитусов всех тех, кто принадлежит одному обеспечивающему сообществу.

Принцип подкрепления габитуса как основы самопрезентации в ритуалах. В разных сообществах ритуальному подкреплению подлежат самые разные характеристики облика, внешних атрибутов и поведения участников: от знания классических текстов, политических событий, новинок музыки, кино или свежих анекдотов до стильности и дороговизны одежды, марки автомобиля и места летнего отдыха. Соответственно, в перерывах между ритуалами индивиды склонны так строить свою жизненную стратегию (обретать соответствующие идентичности, осваивать формы поведения), чтобы на основе имеющихся или доступных ресурсов продвигаться в направлениях к целям, заданным этим ритуальным подкреплением. Поскольку способности, ресурсы и возможности у разных людей разные, этот принцип позволяет объяснять существенные различия габитусов у членов одного сообщества.

Принцип референтной группы и перспективного образа как ориентира жизненного пути. Среди доступных альтернатив каждый индивид

¹⁵ «Выросшая на теоретической почве, возделанной Джемсом, Кули и Мидом, а также Хайманом, Шерифом и Ньюкомом, гипотеза утверждает, что в той мере, в какой реальные или будущие члены группы мотивированы связывать себя с данной группой, они имеют тенденцию усваивать те чувства и быть конформными к тем ценностям, которые присущи авторитарной и престижной страте в данной группе. От конформности зависит признание со стороны данной группы, в то же время постепенное признание данной группой индивида усиливает тенденцию к конформности. И ценности этих «значимых других» представляют собой как бы «зеркало», в котором индивид находит представление о себе самом и богатую самооценку» [Мертон, 1991, с. 48].

в течение сензитивного периода, как правило, выбирает либо референтную группу (иногда отдаленную и даже воображаемую), либо человека старшего поколения в качестве носителей символов, ориентиров для собственной идентичности, программирующих основные жизненные стратегии (в профессии, карьере, личной и семейной жизни, образе жизни и пр.). Механизмы выбора таких референтов-эталонов многообразны и сложны. С уверенностью можно утверждать значимость ранее обретенных фреймов, символов и идентичностей, а также серии эмоционально внушительных ритуалов, в которых та или иная группа или лицо приобретает столь важную роль.

Принцип макрособытий в формировании поколенческого разнообразия габитусов. Данный принцип имеет большое значение для нашей темы, поскольку позволяет связать крупные исторические явления с формированием разнообразия габитусов в рамках одного поколения¹⁶. Среди ритуалов сензитивного периода крайне важными являются обсуждения наиболее громких событий в стране и культурно значимых других странах. В этих обсуждениях воспринимаются из внешнего мира (сетей, иерархий, пропаганды) и перерабатываются квалификации данных событий, совмещаются с актуализируемыми культурными архетипами, воплощаются во фреймы и символы, принимаемые участниками обсуждений, а также в их идентичности и поведенческие стереотипы относительно событий такого рода.

Принцип идентичности как компромисса. Идентичность и габитус каждого индивида выстраиваются в сериях ритуалов в ка-

честве компромисса между желаемой степенью причастности главным принимаемым символам, желаемой высотой социальной позиции в отношении к другим позициям, с одной стороны, и реальной занимаемой ролью в ритуалах, в характере каждодневной деятельности, относительным общественным признанием заслуг и величиной вознаграждения, с другой стороны.

Принцип развертывания потребностей – порождения дефицитов. Стабильный уровень потребления и признания с течением времени начинает считаться само собой разумеющимся, перестает приносить радость, вследствие чего усиливается мотивация повышения этого уровня, обретения более редких, дорогих, экзотических благ, более престижных регалий и т.п. (ср. с «законом возвышения потребностей» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Немецкая идеология»). Таким образом, даже в условиях стабильного порядка и удовлетворения потребностей человеческая природа такова, что возникают новые и новые дефициты.

Принцип влияния дефицитов на значимость и привлекательность связанных с ними символов и позиций. При росте внешней опасности повышаются роль и престиж военных, при росте мятежей и преступности – роль и престиж сил правопорядка, при дефиците заморских товаров – роль и престиж поставщиков импорта и т.д. Соответственно происходит закономерное перенаправление сил и энергии либо прямо к занятию этих позиций, к получению дефицитных ресурсов и благ, либо к поддержке их источников.

Принцип фрустрации как источника рефрейминга и смены габитуса. Длительная абсолютная или относительная депривация (низкое признание и вознаграждение в сравнении с ожидаемым), неудовлетворение потребностей, закрытие доступа к желаемым де-

¹⁶ Ср.: «Для социологического анализа сменяющих друг друга поколений важными представляются прежде всего временные рамки формирования (социализации) определенных возрастных групп, которые приходятся на особо значимые, переломные периоды» [Левада, 2005, с. 41].

фицитным, тем более, считающимся стандартными благам и позициям ведут к кризису идентичности, разочарованию в прежних символах, фреймах, привычных практиках и стратегиях, к переосмыслению окружающего социального мира и своей роли в нем – к кризису идентичности, рефреймингу и смене габитуса. Как правило, это сопровождается подъемом нового типа ритуалов и формированием новых сообществ, в том числе агрессивных и радикальных в отношении к политическому режиму, правящим и влиятельным группам. Последующие социальные кризисы, пертурбации образуют макрособытия, вокруг обсуждения которых выстраиваются габитусы подрастающих поколений (см. выше).

Закономерности взаимодействия менталитета и социальных структур

Принцип зависимости габитуса от ритуальной и институциональной позиции. Чем объясняется существенное разнообразие габитусов, формирующихся в одном и том же обеспечивающем сообществе, в одних и тех же интерактивных ритуалах?

Иногда бывает достаточно объяснения в различии институциональных позиций, которые занимают в ритуалах их участники: одни всегда в центре внимания, другие рядом с ними, третьи составляют более или менее пассивное большинство, четвертые отвержены, подвергаются критике или осмеянию.

Кроме этой простейшей структуры есть огромное разнообразие институционализированных позиционных структур в разных ритуалах: докладчик, оппонент и публика, истец, ответчик, адвокат, прокурор и судья, заказчик и подрядчик, кредитор и просящий кредита, даритель и одариваемый, начальник, тот, кто отчитывается по работе, и остальные подчиненные, муж-

чина, ухаживающий за женщиной, отец, отчитывающий за проступок сына, и т.д. и т.п.

Очевидно, что каждому такому типу ритуалов соответствует некий фрейм, он единый среди участников, если они одинаково осмысливают ситуацию. Зато *идентичности* (субъективно занимаемые позиции в данном фрейме) существенно различаются. Соответственно, подкрепляются и формируются в этих ритуалах разные отношения к символам и разные поведенческие стереотипы.

Принцип нарушения социально-ментального равновесия. Последнее понимается как соответствие между габитусом актора и занимаемой им позицией в социальной структуре (сообществе, институте, иерархии). Соответствие имеет место тогда, когда фреймы, символы, идентичности, практики и стратегии актора позволяют ему без особого насилия над собой занимать свою социальную позицию, нишу, выполнять соответствующие правила, отвечать ожиданиям, использовать ресурсы и т.д. Соответствие нарушается либо при изменении габитуса актора (вследствие участия в новых ритуалах произошел рефрейминг, поменялись символы и идентичности – «смена веры», см. выше принципы ментальной динамики), либо при дефиците ресурсов для позиции, при сужении ниши, «выталкивании» из нее актора (см. ниже принцип вытеснения). Последнее обычно происходит в результате макропроцессов: при смещении ресурсов из одной сферы в другие, при динамике рынков, при геополитических и геоэкономических сдвигах, а также как следствие восстановления равновесия другими акторами (см. ниже).

Потеря социально-ментального равновесия всегда приводит субъективно к дискомфорту актора, а объективно – к неустойчивости, уменьшению порядка и ро-

сту хаоса (когда малые воздействия начинают играть все большую роль – приводить ко все более значимым последствиям). Единичные случаи утери равновесия, как правило, быстро ведут к его восстановлению через механизмы социального контроля. Множественные случаи после какого-то критического предела приводят к новым встречам, новым ритуалам, складыванию новых сообществ и сетей недовольных, к конфликтным стратегиям, эскалации утери равновесия – кризису.

Принцип институционального вытеснения. Главной причиной рефрейминга и смены габитуса у актора являются фрустрация и длительная относительная депривация (см. выше), в основе которых лежит сужение его прежней социальной ниши в сочетании с появлением, расширением и ростом привлекательности новой ниши, требующей нового габитуса (нового фрейма, новой идентичности, новых стратегий и практик). При вытеснении чаще всего актуальный габитус сменяется латентным внутри того же менталитета.

Принцип восстановления социально-ментального равновесия. За редкими исключениями акторы предпочитают занимать устойчивые, ресурсно обеспеченные позиции, соответственно – снижать неустойчивость и восстанавливать равновесие. Способы восстановления многообразны, зависят от соотношения ресурсов актора и охватываемого, контролирующего сообщества, а также от глубины кризиса. При слабом акторе и сильном сообществе актер либо смиряется с новыми рамками, либо уходит и ищет новую нишу. Сильный актер, при условии составления успешной коалиции с влиятельными членами охватываемого сообщества, способен подстроить занимаемую позицию «под себя», создать для себя новую позицию и т.д. При глубоких кризисах прежние формальные институты и сообщества разруша-

ются, наиболее успешные акторы, захватившие большую долю ресурсов, выстраивают новые институты на основе символов, фреймов, социальных связей и сетей своих мобилизационных сообществ.

Принцип ритуально-групповой основы для появления нового габитуса. При рефрейминге человек совершает переход не к латентному, а к новому для данного менталитета габитусу, только при наличии всех ниже перечисленных условий:

а) новые символы и фреймы уже присутствуют в дискурсе, циркулируют в общественном сознании (в публицистике, речах лидеров, бытовых обсуждениях);

б) появляются группы с регулярными ритуалами, актуализирующими данные фреймы и символы, предлагающие новые идентичности и поведенческие стереотипы, обещающие более привлекательные статус, гарантии безопасности и способы получения дохода;

в) человек получает членство в такой группе, получает надежный статус, безопасность и доход, регулярно и активно участвует в ритуалах.

При ресурсных перераспределениях одни институты и сообщества расширяются, другие сокращаются. При общих подъемах и расцветах почти все они расширяются, а при кризисах – многие сокращаются. Согласно принципам социальной и ментальной динамики происходят драматические рефрейминги, смена габитусов, трансформация институтов и сообществ, появление новых, замещение прежних. При установлении нового ресурсного баланса и социально-ментального равновесия наступает относительная стабильность, однако новые массовые практики больших групп и стратегии акторов ведут к новым дефицитам, новым ресурсным сдвигам и цикл повторяется.

Очевидно, что смена периодов стабильности и кризисов, появление новых институтов, изменение менталитета, т.е. нового разнообразия габитусов – это уже территория не только социальной, но и исторической динамики.

На рис.1 представлена структурная схема концепции динамического взаимодействия менталитета, габитусов, сообществ, институтов через центральное звено – серии интерактивных ритуалов.

Рис. 1. Структурная схема общей концепции динамического взаимодействия ментальных и социальных компонентов

Черты российского национального характера

Обобщим и представим многократно описанные свойства российского национального характера^{17,18,19,20,21,22,23,24,25,26,27}. Обычно в качестве *общих недостатков, слабых черт* указываются разобщенность, низкая самодисциплина и неспособность к самоорганизации без подчинения и принуждения, правовой нигилизм, патернализм и подданническая культура, максимализм и метания от крайности к крайности. Некоторые группы обвиняются также в склонности к раболепию и холуйству и/или принуждению и насилию, а также к лицемерию, цинизму, низкопоклонству перед чужими образцами, нетерпимости и шовинизму.

Общими достоинствами российского характера, как правило, считают адаптивность и самостоятельность, изобретатель-

ность и восприимчивость к новому, стойкость к лишениям и терпение, душевную теплоту, заботу о близких. Для некоторых групп отмечается наличие сильной тяги к справедливости, праведной осмысленной жизни, служению высоким идеалам, Родине, чувство долга, бескорыстное подвижничество, способность к самоотречению.

Российские габитусы

Вначале выделим несколько сфер (аспектов) и в каждой из них ряд *аспектных габитусов*. Затем покажем, как аспектные габитусы объединяются в *типичные российские габитусы* и *гнезда габитусов* с внутренними взаимопереходами.

Первой сферой различения является отношение к государству, государственным интересам, деятельности на благо государства. Здесь набор аспектных габитусов хорошо известен:

Инсайдер-пользователь занимает выгодную позицию в государственном учреждении либо в привластных коммерческих структурах которую использует главным образом для своей выгоды, для укрепления своего положения в сообществе таких же инсайдеров.

Службист (честный государственный) обычно включен в государственные структуры (является инсайдером), честно выполняет долг, обязанности, приказы, предан власти и режиму, какими бы они ни были.

Подданный – обычно аутсайдер, не занимает значимых государственных должностей, но гордится величию и победами державы, в той или иной мере готов терпеть лишения, напряженно трудиться во благо государства.

Внутренний эмигрант также обычно аутсайдер в отношении к государству, преисполнен отчуждения к нему и всему, что с ним связано, находит нишу с минимальными контактами с государством.

¹⁷ Степун, Ф.А. Мысли о России / Ф.А. Степун // Современные зап. – Париж, 1928. – № 28.

¹⁸ Бердяев, Н.А. Русская идея // Н.А. Бердяев // Вопр. философии. – 1990. – № 1. – С. 78–80.

¹⁹ Лихачёв, Д.С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3–5.

²⁰ Вышеславцев, Б.П. Русский национальный характер / Б.П. Вышеславцев // Вопр. философии. – 1995. – № 6. – С. 116–117.

²¹ Мостовая, П.В., Скорик, А.П., 1995.

²² Пибоди, Д. и др. 1993: Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект / Д. Пибоди [и др.] // Вопросы психологии. – 1993. – № 3.

²³ Кессиди, Ф.Х. О парадоксе России / Ф.Х. Кессиди // Вопр. философии. – 2000. – № 6. – С. 87–91.

²⁴ Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. ; Екатеринбург, 2003. – 560 с.

²⁵ Кукоба, О.А. Доминанты российского национального менталитета / О.А. Кукоба // Вест. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 191–208.

²⁶ Гудков, 2004.

²⁷ Левада, 2006.

Следующая сфера разделения аспектных габитусов – отношение к власти, режиму, их смене и изменению.

Охранитель – обычно инсайдер, стоит на страже власти, режима, порядка, каковы бы они ни были. Активный патерналист – навязывает неразумному населению любовь и уважение к начальству и режиму.

Реформатор может находиться как внутри, так и вне государственных структур, надеется на мирное преобразование режима, на договоренности с правящей группой, на возможность ее убедить, на эффекты малых дел, на поддержку обществом благих начинаний.

Радикал – обычно аутсайдер (кроме периодов коренных изменений политического устройства), убежден, что необходимые изменения режима возможны только при смене власти, любые попытки общения и договоров с которой безнадежны. Бунтовщики, заговорщики, террористы, революционеры, диссиденты, несистемные оппозиционеры – вот основные исторические ипостаси радикалов.

Равнодушный – обычно аутсайдер, он отгородился от всего, что связано с властью и режимом, приспосабливается к тому что есть; этот габитус во многом совпадает с *внутренним эмигрантом*.

Следующая сфера разделения аспектных габитусов – отношение к разного рода ценностям, поляризованным между высшими духовными идеалами и приземленной выгодой, пользой.

Подвижник – тот, кто полностью посвящает свою жизнь служению высоким ценностям и идеалам. Подвижники есть среди журналистов, ученых, учителей, врачей, адвокатов, правозащитников, священников, литераторов, художников, музыкантов, деятелей театра и кинематографа, архитекторов, музейных хранителей и т.д.

Обыватель признает только пользу и выгоду, к высшим ценностям и идеалам относится подозрительно, разве что к жизни, здоровью и благополучию – собственному, своей семье и близких может относиться как к предметам долга и служения.

Примиритель сочетает в разных пропорциях служение высшим ценностям, идеалам и достижение пользы для себя и семьи.

Наконец, постоянно значимым для социально-политического поведения и габитусов остается отношение к Западу в сравнении с Россией, ее историей, традициями, порядками и пр.

Самобытник (*почвенник, державник, «патриот»*) – тот, кто в любых контекстах превозносит отечественное и порицает иноземное (в подавляющем большинстве случаев – западное: европейское и американское).

Западник – тот, кто в любых контекстах порицает отечественное и превозносит иноземное (преимущественно европейское и американское).

Центрист совмещает самобытные и западнические предпочтения, опять же в разных пропорциях. Подобно примирителям между полюсами подвижничества и обывательства, центристы также заполняют самую обширную «серую зону» между полюсом самобытности и полюсом западничества, временами и в разных контекстах склоняясь в ту или иную сторону.

Далеко не все комбинаторно возможные варианты сочетаний аспектных габитусов реализуются, по крайней мере, в значимых для социально-политических процессов объемах. Кроме того, некоторые сочетания весьма близки друг к другу, внутри них бывают взаимопереходы, такие группы габитусов назовем *гнездами*. Предполагается, что переходы между габитусами из разных гнезд редки и трудны. Выделим следующие

пять габитусных гнезд как предметы для последующего объяснения:

гнездо отстраненных аутсайдеров: подданный, обыватель, внутренний эмигрант, равнодушный;

гнездо ловких инсайдеров: пользователь, пользователь-охранитель и пользователь-реформатор;

гнездо честных государственников: службист, службист-реформатор и службист-охранитель;

гнездо недовольных: реформатор-западник, радикал-западник и радикал-самобытник;

гнездо подвижников: подвижник, подвижник-западник и подвижник-самобытник.

Сопоставление с типичными разбросами ответов в социологических опросах относительно ценностей, отношения к государству и власти, к России и западным странам, к реформам и т.д.^{28,29,30} показывает, как минимум, представительность данной типологии габитусов.

Ментальная основа национального характера и габитусов

В качестве главных элементов объяснения возьмем четыре базовых фрейма в минималистской форме бинарной оппозиции и постулируем их инвариантные характеристики:

свое и чужое; этот фрейм универсален для всех этносов и наций, культур и цивилизаций; российская специфика состоит, во-первых, в высоком уровне отвержения, не-

²⁸ *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики* / под ред.: К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. – М.: Изд-во ин-та психологии РАН, 1997. – С. 45.

²⁹ *Дилigentский, Г.Г.* Российский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование) / Г.Г. Дилigentский. – М.: ИМЭМО, 1998. – С. 36–60.

³⁰ *Гудков и др.*, 2008.

признания чужого, в отказе за чужим в праве на достоинство или даже на существование, либо в полном игнорировании и пренебрежении чужим; во-вторых, в особой легкости признания чужого своим и отказа от бывшего своего в пользу нового своего (бывшего чужого);

высшие идеалы и польза (выгода); данный фрейм также универсален; для россиян характерны жесткое разделение и противопоставление «высоких», «духовных» идеалов (святынь, ценностей) и «низкой», «шкурной» пользы, слабая способность к их органичному и устойчивому объединению, склонность к полному принятию того или иного полюса и последующим радикальным разочарованиям;

ближний круг и государство; в России первый полюс жестко ассоциирован с теплой, неформальной, демонстративно бескорыстной взаимоподдержкой, тогда как государство, напротив, – с формальным принуждением, всяческими уходами от этого принуждения, либо наоборот с подчинением ему – беззаветной верностью и службой;

Россия и Запад; в российском менталитете для статуса своей страны характерна неустойчивость, высокая неудовлетворенность, что может выражаться как в полном отрицании национальных достоинств, так и в навязчивом их превознесении; отношение к Западу при этом, несмотря на известные крайности и маятниковые колебания, неизменно остается главным пунктом референции, именно с западными странами обычно ведутся сравнения, именно западные оценки остаются наиболее значимыми, вне зависимости от того, соглашаются с ними или яростно их отвергают.

Несложно показать, как специфика этих фреймов порождает как слабые, так и сильные инвариантные черты россий-

ского национального характера, особенно с учетом разного комплексирования четырех фреймов и их восьми полюсов между собой.

Разобщенность, низкая самодисциплина и неспособность к самоорганизации – прямые следствия отвержения всего *чужого*, а также жесткая привязанность трудов и усилий либо к *ближнему кругу*, либо к вынужденному подчинению институтам власти (обычно *государственным*). Для широких горизонтальных контактов и создания структур доверия места не остается.

Правовой нигилизм порождается отожествлением законов и судов с *чужим* (или *своим* для инсайдеров) принудительным *государством*.

Максимализм и метания от крайности к крайности – это обобщения принятия одного полюса как *своего*, которому посвящаются все силы и отвержения другого полюса как *чужого*, страстно отвергаемого или презираемого.

Адаптивность и самостоятельность, изобретательность и восприимчивость к новому являются проявлением легкого превращения *чужих* способов выживания, достижения пользы в *свои*.

Стойкость к лишениям и терпение, душевная теплота, забота о близких – прямое следствие многопоколенного опыта выживания благодаря взаимоподдержке в *своем* – ближнем кругу и в противостоянии давлению *чужого* принудительного *государства*.

Высокая референтность Запада и глубинная неуверенность в достоинстве национальных основ рождают маятниковые колебания: от низкопоклонства перед всем чужеземным и отрицания всего отечественного, до ксенофобии, шовинизма, ревности и ненависти ко всему нерусскому, до бахвальства и «квасного патриотизма».

Базовые фреймы, мировоззренческие установки и разнообразие российских габитусов

Рассмотрим, какие мировоззренческие установки – устойчивые связки между полюсами базовых фреймов – характерны для выделенных выше габитусов, объединенных в пять основных гнезд.

Гнездо отстраненных аутсайдеров. Здесь *свое* – это *ближний круг*, а *чужое* – *государство*. Польза для себя и ближнего круга – это и есть *высшая ценность и долг*. Обыватель в той мере, в которой его статус и рента зависят от *государства*, представляет себе и другим эту *пользу для себя* как преданность *высшим ценностям* – государству и власти. Отмечаемые в российском характере склонности к раболепию и холуйству, лицемерию («лукавый раб» по И. Леваде) характерны для людей из этого гнезда с габитусами подданных и обывателей.

Гнездо ловких инсайдеров. *Государство* стало *своим* как источник *пользы* для себя и *ближнего круга* (члены которого обычно также занимают нужные должности). «Все разговоры о высших ценностях и идеалах – болтовня для бедных». Соответственно, процветают цинизм и лицемерие. Также развита склонность к принуждению и насилию с помощью государственного аппарата, особенно когда появляются угрозы благополучию – личному и своего круга.

Гнездо честных государственников. *Государство* – *свое*, но уже не как источник *выгоды*, а как *высший идеал*. Долг, честь, служение Родине, трудолюбие – все эти достоинства российского характера имеют люди с такими габитусами.

Гнездо недовольных. Нынешнее *государство*, *власть*, *режим* – *чужие*, вредоносные, препятствуют получению *пользы* и противоречат *высшим идеалам*. Обостренное чувство спра-

ведливости, гнев относительно несправедливости могут быть как искренними, так и выражением стремления самому получить власть, занять выгодную должность.

Гнездо подвижников. *Свое* – это те или иные *высшие идеалы* – святыни и ценности. *Ближний круг* – те, кто это понимает. *Государство* обычно – *чужое*, оно не поддерживает осуществление этих ценностей, либо даже препятствует этому. Выделяемые в российском характере бескорыстие, самоотречение, стойкость свойственны людям с такими габитусами.

Социальные основы разнообразия российских габитусов

Можно и нужно провести специальные эмпирические исследования того, какие институты, обеспечивающие сообщества и серии типовых ритуалов, формируют габитусы каждого гнезда, при каких структурных изменениях этих социальных форм происходят переходы от габитуса к габитусу внутри гнезда (а в редких случаях и между гнездами). Пока зафиксируем основные очевидные соответствия.

В гнезде *отстраненных аутсайдеров* (вероятно, это подавляющее большинство населения современной России) главными обеспечивающими сообществами являются семья и близкий круг друзей, иногда сослуживцы. Для подданных и обывателей-охранителей характерны особое статусное положение, связанное с рентой (пенсионеры, всевозможные льготники, отставные военные, научные работники, врачи, учителя, шахтеры, полярники и т.д.). Анализ этих статусных групп рентополучателей как современных сословий сделан С.Кордонским³¹ Символом дарителя, ис-

точника статуса и ренты является «Государство», что обуславливает лояльность такой власти и такому режиму, при которых не ущемляются, а подкрепляются соответствующие идентичности. В центр внимания основных ритуалов (совместных застолий, семейных праздников, повседневных обсуждений) обычно попадают такие темы и символы как здоровье и благополучие участников, материальные приобретения, события в семьях, столкновения с внешним миром, особенно, с государственными службами, с властями, с точки зрения продвижения или ущемления частных интересов самих же участников таких ритуалов.

В гнезде *ловких инсайдеров* основными обеспечивающими сообществами являются группы и сети таких же инсайдеров, либо прямо входящих в государственные структуры, либо в аффилированные компании. Семья и близкие друзья также важны, но обычно они обретаются в тех же сетях, либо вовлекаются в них. Основные ритуалы – это «решение вопросов» относительно ресурсов, должностей, всевозможных услуг, обменов, распределения и пр. Позиции в этих ритуалах могут быть горизонтальными, симметричными («ты – мне, я – тебе») или иметь форму клиент–патрон. Известные коррупционные сообщества и сети³² реализуются именно в таких действиях. «Решение вопросов» может проходить и в тиши кабинетов, и в саунах, и в загородных «охотничьих домиках» и т.п. Хорошо известно, что в этой среде сдвиги от реформаторства к охранительству и обратно определяются, во-первых, возрастом и удовлетворенностью собственной позицией; во-вторых, связью перспектив личного благополучия и продвижения с реформами или отвержением реформ.

³¹ Кордонский, С.Г. Сословная структура постсоветской России / С. Г. Кордонский. – М. : Изд-во ин-та Фонда «Общественное мнение», 2008.

³² Римский, В.Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России / В.Л. Римский // Обществ. науки и современность. – 2004. – № 6. – С. 68–79.

В гнезде *честных государственников* обеспечивающее сообщество обычно составляют начальство и коллеги по работе, способные оценить упорный труд службиста. Главные ритуалы – это сама работа с документами и людьми, а также церемонии принятия работы, отчетов с соответствующими поощрениями, подкрепляющими честную службу. Службисты становятся реформаторами или охранителями не только и не столько из соображений личной карьеры. Как правило, службисты-охранители – это люди старшего возраста, участвовавшие в создании, поддержании существующего институционального порядка, отождествляющие себя с ним. Службисты-реформаторы обычно моложе, часто они являются выходцами из другой сферы и имеют такие твердые образцы «правильного порядка», которые несовместимы с наличным устройством.

Гнездо недовольных весьма разношерстно. Недовольные западники, как правило, распространены в столичных и крупных городах, в космополитических сообществах науки, высшего образования, культуры, ориентированного на внешние связи бизнеса. Обычно они лучше знают иностранные языки, больше ездят за границу. Для многих в профессиональное обеспечивающее сообщество входят иностранные коллеги. Основные ритуалы в этой среде – это бесконечные интеллигентские разговоры, шутки, анекдоты на тему «как здорово у них и как плохо у нас». Самобытники в своей массе либо хуже образованы, либо их специализация имеет сугубо национальный характер с минимумом космополитических контактов и связей. Редкие случаи высокоинтеллектуальных и широко мыслящих самобытников – почти всегда бывшие западники (от Николая Карамзина до Алек-

сандра Зиновьева). Переход, как правило, связан с фрустрацией – потрясением от того, что отвергли (не признали по достоинству заслуги и статус) либо на Западе, либо в сообществах западников. Радикализация недовольных как западников, так и самобытников, – прямая функция отвержения (недопущения к службе, принятию решений, реформам) и репрессий со стороны власти и режима.

Гнездо подвижников является довольно условным, поскольку объединяет преимущественно изолированных друг от друга одиночек. В роли обеспечивающего здесь может выступать воображаемое сообщество «истинных ценителей» (нередко относимое в далекое будущее). Главным ритуалом является сам ежедневный «подвиг» – напряженный труд над книгой, картиной, симфонией, реставрацией памятника, либо бескорыстная помощь больным, бездомным, обиженным властью и т.п., а также редкие церемонии общественной оценки плодов подвижничества и признания.

Механизмы ресурсного перераспределения в государственных институтах

Для России со времен Ивана Грозного была характерна гипертрофия централизованного сбора и распределения ресурсов. Три наиболее заметных отступления от этого принципа – губернские административные реформы Екатерины II, земские реформы Александра II и введение совнархозов при Н.С. Хрущеве, последующие косыгинские реформы, – с одной стороны, были недостаточно последовательными, оказались неустойчивыми, с другой стороны, экономические историки, как правило, именно с этими реформами связывают повышение

уровня социального развития провинций и благосостояния населения^{33,34}.

Гиперцентрализация перераспределения ресурсов напрямую связана с обеспечением лояльности низлежащих уровней в многочисленных государственных иерархиях (военной, полицейской, территориальной, отраслевой). Незапланированное следствие таких институциональных структур и практик состоит в том, что большая часть территорий, сообществ, граждан становятся рентополучателями, регулярно получающими назначенную им долю ресурсов, благ соответственно занимаемому положению, но при весьма слабой связи с эффективностью своей деятельности³⁵.

Как мы уже знаем, габитусы формируются в соответствии с занимаемыми социальными позициями и связанными с ними основными ритуалами и практиками. В системе централизованного перераспределения и широкого распространения должностной и профессиональной ренты главными событиями являются получение нового места с более высокой рентой (нередко включая нелегальную административную, коррупционную ренту), лишение такого места, а также промежуточные знаковые события, дающие надежду на первое или угрожающие вторым. Все эти события и являются ключевыми ритуалами, образующими инвариантное свойство российских габитусов – *рентоискательство*.

Это выражается не только в массовых жизненных стратегиях – занять место, двигаться по карьерной лестнице с надежным обеспечением ренты, но и в социоинженерных стратегиях создания как государ-

ственных учреждений, ведомств, так и общественных организаций: во главу угла ставится не общественная потребность, не эффективность, не конкурентоспособность, а именно стабильное обеспечение, желательное из государственного бюджета, либо из фондов, наполняемых по указке высшего руководства (от театров, университетов и академий до фондов помощи ветеранам спецслужб).

Связь ренты с уровнем государственного насилия

Не очевидную, но глубокую связь ренты с насилием раскрыл Кирилл Рогов. Запрет на насилие в политической сфере (отказ от разгона протестных митингов, демонстраций, маршей, пикетов, от избивания их участников, от ареста лидеров оппозиции, вообще от политических репрессий³⁶) резко расширяет круг искателей ренты, поскольку они, не боясь насилия, склонны объединяться и открыто требовать «спра-

³⁶ К. Рогов также провел четкое различие между политическими репрессиями и обычными судебными наказаниями: «В отличие от судебного наказания репрессия обладает особыми свойствами, которые в сущности и определяют черную магию ее влияния на общество. Во-первых, человек должен быть осужден не за то, что он совершал, даже если его есть за что осудить. Потому что если людей судят за то, что они действительно сделали, то у тех, кто еще не осужден, возникает иллюзия, что они могут избежать наказания, не делая ничего подсудного. Во-вторых, в отличие от судебного наказания репрессия не имеет сроков. В приговоре, конечно, будут выставлены годы, но это лишь условный знак, флажок с той цифрой, которая гарантированно вызывает рефлекторный страх. По смыслу же своему репрессия бессрочна. Это мягкая форма смерти. И даже если человек возвращается «оттуда», он должен быть сломлен, должен как бы порвать с тем собой, которым был до тюрьмы. Признав таким образом бесполезность сопротивления и торжество репрессии как принципа» [Рогов, 2009].

³³ Дружинин, Н.Д. Социально-экономическая история России : избр. тр. / Н.Д. Дружинин. – М.: Наука, 1987.

³⁴ Гусейнов, Р. История экономики России / Р. Гусейнов. – М. : ИВЦ, 1999.

³⁵ Кордонский, 2008.

ведливости» – своей доли ренты, которую считают недодаденной. Кроме того, для удержания политических позиций (права распределять ренту) требуются большие издержки: затраты на содержание СМИ, политических партий, поддержку предвыборных кампаний и пр. Допущение государственного насилия в политике, особенно механизма политических репрессий резко снижает число искателей ренты, увеличивает саму рентную премию для ее привилегированных получателей, снижает издержки на пропаганду, перекладывая их на государство. К. Рогов формулирует этот принцип в применении к российским реалиям 1990 и 2000-х годов:

«Если прямое физическое насилие запрещено, затраты на соискание ренты возрастают (надо, например, содержать газеты, телеканалы, политические партии, как это делали олигархи конца 1990-х), а конкуренция увеличивается. Если прямое насилие, а тем более с использованием государственных институтов принуждения, разрешено, то затраты на соискание ренты сокращаются (перекладываются на бюджет), и мы получаем полицейско-олигархическое государство, концентрирующее рентные доходы в руках представителей самой машины государственного принуждения»³⁷.

Итак, государственное насилие – это эффективный способ удержания привилегий инсайдеров, достаточно узкого круга получателей большой ренты, через устрашение и подавление протестных попыток со стороны аутсайдеров, получателей малой ренты, обеспечение их лояльности, хотя бы видимой.

Следует добавить, что любой акт физического насилия, особенно, публично-

³⁷ Рогов, К., 2008.

го – это исключительно эмоционально насыщенный *ритуал*, надолго формирующий установки гордого всевластия на стороне применяющих насилие и установки страха, унижения, глухой ненависти на стороне жертв насилия, а в более слабой форме – установки всех тех, кто наблюдает и обсуждает такого рода события.

Значит ли это, что государственное насилие в отношении к оппозиционерам, протестующим всегда эффективно? Как мы знаем из истории, многие в определенные периоды акции насилия, даже такие жесткие как расстрелы демонстраций, публичные казни, вызывают уже не страх, а ожесточение и готовность на борьбу, в том числе на ответное насилие (мятежи, бунты, революции). Условия такого переключения требуют специальных сравнительных исследований.

Специфика социальной и ментальной динамики в России

В периоды эмансипации элиты от принудительного контроля и присвоения ею государственных ресурсов (подробнее о циклах истории России см.³⁸) ослабляются или разрушаются институты порядка, деградируют институты социального обеспечения и ресурсного перераспределения, получают послабление институты взаимной поддержки. В соответствии с динамическими принципами (см. выше) сокращаются ниши для *службистов – честных государственников, подвижников и реформаторов*, зато расширяются для ловких инсайдеров и обывателей. Государство из сферы «своего» и «высшей ценности»

³⁸ Розов, Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // *Палис*. – 2006. – № 2. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/3/2.htm>.

становится «своей средой для извлечения выгоды» для *ловких инсайдеров*, становится «чужим», плохо обеспечивающим «отцом-дарителем» для *обывателей*, врагом и источником бед для растущего количества *радикалов*.

В периоды противохода – государственной мобилизации – вновь растут институты порядка, налаживаются институты социального обеспечения и ресурсного перераспределения; идет наступление на институты взаимной поддержки, которые, однако, распадаются лишь в крайних случаях (Коллективизация, Большой Террор), а обычно «уходят в подполье». Резко расширяются социальные ниши для *честных государственныхников, охранителей, реформаторов и подвижников. Ловкие инсайдеры* не исчезают никогда, но вынуждены приспосабливаться к жесткому контролю и к резко сузившимся степеням свободы действий. Государство для многих вновь становится «своим», причем в роли высшей ценности.

* * *

Концепция получилась внутренне непротиворечивой, когерентной, вполне согласующейся с типовыми разбросами в опросах общественного мнения, но, разумеется, нуждающейся в эмпирическом подкреплении. Для этого направления исследований нужны особые организационные и кадровые ресурсы, которым автор, будучи индивидуальным исследователем-философом, не обладает. Утешает только то, что любой квалифицированный социолог на основе представленного материала может без особого труда составить адекватный инструментарий (анкеты, схемы углубленных интервью, формы протоколов для наблюдения и пр.).

Итак, российский менталитет предстает, с одной стороны, весьма разнообразно выраженным в нескольких группах габитусов, с другой стороны, имеющим единую глубинную основу – специфические базовые фреймы и накатанные пути складывания из них мировоззренческих установок, что выражается в известных чертах русского национального характера. Закономерности социальной и ментальной динамики, представленное изменчивое разнообразие габитусов оказываются стержнем механизма, порождающего известные циклы истории России.

Литература

- Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Вопр. философии. – 1990. – № 1. – С. 78–80.
- Вышеславцев, Б.П. Русский национальный характер / Б.П. Вышеславцев // Вопр. философии. – 1995. – № 6. – С. 116–117.
- Горшков, М. и др. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов / Горшков М. [и др.] // Мир России. – 1996. – Т. 5. – № 2. – С. 62–84.
- Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М.: Изд-во ин-та Фонда «Общественное мнение», 2004. – 752 с.
- Гудков, А.А. Негативная идентичность / А.А. Гудков // Статьи 1997 – 2002 годов. – М.: Новое лит. обозрение; «ВЦИОМ-А», 2004. – 816 с.
- Гудков, А.А. Постсоветский человек и гражданское общество / А.А. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. – М.: Моск. шк. полит. исследований, 2008. – 96 с.
- Гусейнов, Р. История экономики России / Р. Гусейнов. – М.: ИВЦ, 1999. – 352 с.
- Дилигенский, Г.Г. Российский горожанин конца девятнадцатых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование) / Г.Г. Дилигенский. – М.: ИМЭМО, 1998. – С. 36–60.

- Дружинин, Н.Д.* Социально-экономическая история России : избр. тр. / Н.Д. Дружинин. – М.: Наука, 1987. – 205 с.
- Дубовцев, В.А.* Природа «русской власти»: от метафор – к концепции / В.А. Дубовцев, Н.С. Розов // Полис. – 2007. – № 3. – С. 8–23.
- Касьянова, К.* О русском национальном характере / К. Касьянова. — М.: Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая кн., 2003. – 560 с.
- Кессиди, Ф.Х.* О парадоксе России / Ф.Х. Кессиди // Вопр. философии. – 2000. – № 6. – С. 87–91.
- Коллинз, Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск : Сиб. хронограф. 2002. – 1284 с.
- Кордонский, С.Г.* Сословная структура постсоветской России / С.Г. Кордонский. – М.: Изд-во ин-та Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
- Кукоба, О.А.* Доминанты российского национального менталитета / О.А. Кукоба // Вест. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гум. науки. – 2004. – № 2. – С. 191–208.
- Лапкин, В.В.* Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции / В. В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. – 1999. – № 6. – С. 70–80.
- Левада, Ю.* Ищем человека: социологические очерки. 2000–2005 / Ю. Левада. – М.: Новое изд-во. – 2006. – 384 с. – (Новая история).
- Лихачёв, Д.С.* О национальном характере русских / Д.С. Лихачёв // Вопр. философии. – 1990. – № 4. – С. 3–5.
- Лосский, Н.О.* Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Посев, 1957. – Кн. 1. – 152 с.
- Лукин, А.В.* Мифы о российской политической культуре и российская история / А.В. Лукин, П.В. Лукин // Полис. – 2009. – № 1–2.
- Ментальность россиян:* (Специфика сознания больших групп населения) / под ред. И.Г. Дубова. – М.: Имидж-Контакт, 1997. – 478 с.
- Мертон, Р.К.* Референтная группа и социальная структура / Р.К. Мертон. – М., 1991.
- Мостовая, И.В.* Архетипы и ориентиры российской ментальности / А.П. Мостовая, И.В. Скорик // Полис. – 1995. – № 4. – С. 69–76.
- Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России* / сост.: Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 328 с
- Пибоди, Д.* и др. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект / Д. Пибоди, А.Г. Шмелёв, М.К. Андреева, А.Е. Граменицкий // Вопр. психологии. – 1993. – № 3. – С. 101.
- Римский, В.А.* Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России / В.А. Римский // Общественные науки и современность. – 2004. – № 6. – С. 68–79.
- Розов, Н.С.* Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? / Н.С. Розов // Полис. – 2006. – № 2. – Режим доступа : <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/3/2.htm>. – Загл. с экрана.
- Российский менталитет.* Вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – М.: Изд-во ин-та психологии РАН, 1997. – С. 45.
- Степун, Ф.А.* Мысли о России / Ф.А. Степун // Современные зап. – Париж, 1928. – № 28.
- Collins, R.* Conflict Sociology / R. Collins. – New York : Academic Press, 1975.